

Легион. Хотя и впредь повестки на врачебную комиссию по-прежнему рассылали не военные ведомства, а Управление трудом («Арbeitsamt» или «Arbeitsferwaltung»), которое в народе слыло под названием «Белая Чека». Поначалу русских и поляков на эти новые призывные комиссии не вызывали, и надо сказать, русские такой дискриминацией возмущены не были. Но когда непобедимая германская армия стала терпеть все новые неудачи, немцы как бы забыли о неполноценности русских.

Но всенародного патристического угара даже среди латышских народных масс как-то не чувствовалось, разве что на страницах латышских газет и журналов. Больше было разговоров, как избавиться от Легиона. Был официально дозволенный путь – приобретение УК «Unabkommeichkeits karte» («Карта незаменимости»). Поначалу ее получить, кажется, не было особых трудностей. Но вот когда вся власть, в том числе и призыв в Легион, перешли в руки латышских генеральных директоров, приобретение УК ожесточили таким образом, что выдавать таковую мог только сам генеральный директор. Подпись его заместителя считалась недействительной. Председатель призывной комиссии (теперь полковник или капитан Легиона СС) на свою ответственность освобождал прославленных в Латвии людей (например, известного балетмейстера), либо полуевреев, либо неблагонадежных, только что освобожденных из тюрем бывших коммунистов или сочувствующих.

Был еще и полулегальный путь, которым, к моему удивлению, пользовались юноши. Они либо по своему

социальному положению (близость к правящим кругам, вплоть до генеральных директоров), либо по своим культурным и национальным устремлениям (полунемцы, студенты германской филологии), становились на путь шкурников. Путь этот заключался в назначении на работу в такие учреждения, из которых в армию молодых людей не призывали. Сколько юношей использовало этот путь, трудно установить, поскольку сам процесс проходил в глубокой тайне.

Как свидетельствуют латышские легионеры в своих воспоминаниях, от русских легионеров было мало толку и пользы. Прежде всего, многие из них не понимали латышского языка, и начальство вынуждено было переходить на ненавистный и презираемый русский язык. Вообще-то многие призванные русские разбежались уже на пути места назначения. Во всяком случае, неизвестен ни один русский легионер, награжденный железным Крестом.

Из русских военнопленных формировались главным образом ряды Русской освободительной армии. О ней в России издано уже немало книг. История РОА в Латвии пока еще покрыта мраком неизвестности и забвения. Мне лишь однажды пришлось встретиться с человеком, близким к штабу РОА. И единственное, что он успел рассказать мне, это о том, как из советских военнопленных формируются отряды РОА. В случае отказа у несговорчивых полове органы стискиваются досками, пока они не согласятся вступить в ряды РОА.

Борис Инфантьев

Василий Синайский – фольклорист

Василий Синайский (25.07.1876– 21.09.1949) родился 25 июля 1876 года в Тамбовской губернии в семье священника. Окончил Тамбовскую духовную семинарию и юридический факультет Юрьевского университета (1904). Юрист, историк. Профессор римского права в г. Юрьеве (1908–1911), затем профессор гражданского права в Киеве (1911–1922). После революции в эмиграции. В 1922–1944 гг. профессор Латвийского университета в Риге. Скончался 21 сентября в Брюсселе.

Среди латвийских фольклористов Василий Синайский занимает особое место как проповедник теории, согласно которой фольклор является отражением древних знаний народа, передаваемых из поколения в поколение¹.

Свою теорию он создал и доказал, опираясь на факты, почерпнутые им из санскрита, китайской, ассиро-вавилонской, египетской мифологий, сопоставив их выводы и достижения с мифическими воззрениями народов Северной Азии (чукчей, эвенков, якутов...). В нашей статье концепция Василия Синайского представлена в интерпретации его дочери Наталии, профессора Брюссельского университета. Оригинальные выводы Василия Синайского о русском и латышском фольклоре рассеяны по его книгам, брошюрам,

статьям на русском, латышском, французском, немецком языках. Изучение наследия Василия Синайского еще ожидает своего непредвзятого исследователя. Здесь же ставится более скромная задача – напомнить его специфических воззрений на особенности фольклора, в изучение которого внесла вклад его дочь, профессор Брюссельского университета Наталья Васильевна Синайская.

В Риге после четырех лет своего водворения в качестве профессора, преподавателя римского права, он решается в своей публикации поговорить о предмете, который не давал ему покоя еще в Юрьеве, в Киеве – о римской мифологии и фольклоре. Итак, в Риге отдельным изданием выходит весьма солидное исследование на французском языке «XII таблиц с точки зрения хронологии Рима, его права, и его календаря». В нем автор использует сведения из древнеримского, русского фольклора, мифологии примитивных народов, прежде всего сибирского северного побережья. Через два года (1928 г.) В. Синайский издает на французском языке «Рим и его право теократическое и лаическое, рассмотренные с точки зрения мифологии, историографии и истории». Василий Синайский с 1922 года преподает в Латвийском университете и по существовавшим тогда порядкам на пятом году своей

работы в университете лекции ведет уже на латышском языке в 1928 г. вышли в свет капитальные издания латышских народных песен, собранные и впервые изданные в Елгаве и Петербурге в 1894–1915 гг., и теперь, с 1928 г., роскошно переизданные Клаустынем и Эндзелином, с многочисленными иллюстрациями на мифологические и этнографические сюжеты. В. Синайский все также разрабатывает излюбленную календарную тему «Latviešu poētiskie dabas vārojumi...» (1929). Подействовала ли на Синайского атмосфера того времени, пропитанная повышенным интересом к мифологии и фольклору, которая проявилась в Латвии еще в 60-е и 80-е гг. XIX века, или это был самостоятельный выбор ученого? Однако повсеместное увлечение собиранием фольклора, безусловно, способствовало эмансипации латышской культуры от немецкой. Именно в это время В. Синайский впервые обратил серьезное внимание на латышский фольклор

В том же 1928 году выходит вторая его книга о римской мифологии и фольклоре, появляются первые публикации в русской газете «Сегодня», на основе которых в 1929 г. будет издана брошюра «К календарному смыслу древних русских обрядов». Русский фольклор в сборнике представлен тремя статьями: «Что означает встреча Нового года теперь и старину?», «Золотой петушок», «Народные картинки: Илья Муромец и Соловей Разбойник».

Как явствует из самого заглавия брошюры, основная специфика мифологически-фольклорных исследований В. Синайского – рассмотрение явлений и отдельных объектов образов и реалий в тесном единстве с явлениями небесных сил планет, звезд, созвездий².

В отличие от господствующего взгляда на фольклор как проявление фантазии народа, Василий Синайский видел в нем отображение древних научных познаний, источник этих познаний, которому присущ был авторитарный характер.

Высокообразованным жрецам хорошо известны были астрономические и астрологические представления, в том числе и о феномене прецессии, тщательно следили за видимыми движениями планет небесных, по которым определяли календарные системы, согласовывая их с культовыми церемониями, за которые они были в ответе, так же, как за организацию общественной жизни. Они же были безличными создателями таких жанров древнего фольклора, как гимн в честь божеств сил небесных, псалмов, мифологических пьес, эпосов, сказок, заклинаний и других форм. Чтобы эти творения сохранились в памяти поколений, научные выводы и заключения облекались в такие формы, которые были бы кратки, увлекательны и красочны по форме, легко воспринимаемы народными массами, знакомы только с узкопоэтическим художественным творчеством и, главное, способные, в точности и неизменяемости передавать это последующим поколениям. Иными словами, древний фольклор был хранителем и путем устно-поэтического творчества средством передачи научной информации, создания основы фольклорного исследования.

Состояния, взаимоположение сил небесных, определяющие течение жизни на земле, определялись в размещении на картах знаков зодиаков, символизирующих положение и взаимовлияние сил небесных. Зодиакальные знаки в

астрономии и астрологии распределяются, как известно, на знаки сил небесных, и знаки земные.

Небесные знаки начинают путь исследования, определяют направление; при этом необходимо учитывать феномен прецессии, в результате которой знаки иногда меняют свое значение.

В системе культов древних народов явление прецессии подлежало констатации сама собою в ориентации по звездам в выборе места для жертвоприношений, построения храмов, выборе святых лесов, деревьев, камней, холмов, что со временем несколько поступилось своей точностью. Культовые идолы менялись, вместе с ними менялся и сам культ.

Необходимо помнить и то, что каждый знак имел двойное значение и по Солнечному, и по Лунному календарю. Среди знаков следует отметить:

1. Комбинированные небесные знаки, например, грифы (тело льва, голова и крылья орла, уши коня). Возможно, этот гриф обозначает четыре пункта эклиптики;

2. Преобразованные небесные знаки (метаморфоза).

В качестве примера наличия знаков Зодиака в фольклорных текстах и их единственно правильной интерпретации В. Синайский приводит русскую сказку об ученике и чародее.

«Мать отдала сына к чародею в обучение. Усвоив требуемые знания, ученик от чародея убегает. Чтобы быстрее бежать, ученик превращается в собаку, учитель в волка; собака превращается в медведя, волк – во льва, медведь – в лебедя, лев – в орла, лебедь – в ерша, орел – в щуку, ерш – в золотой персень, щука – в купца, кольцо – в зерно, купец – в петуха, зерно – в орла, который, наконец, побеждает петуха-чародея».

Комментарий к этой сказке В. Синайского: упомянутые в сказке знаки – это знаки Зодиака. Ерш соответствует летнему солнцевороту (солнцестоянию), щука противоположному.

Солнце, которое находится в весенней эквинокции (знак большой собаки) превращается в медведя (апрель), в белого лебедя (май), в ерша (июнь – летнее солнцестояние), в золотое кольцо (июль), зерно (август). Месяц находится в осенней эквинокции в знаке Волка, превращается во Льва (апрель), в Орла (май), в щуку (июнь – летнее солнцестояние), в купца (июль), в петуха (август). Сокол (сентябрь) разрывает петуха на две части, одна часть которой относится к марту. И, наоборот, Солнце, находящееся в осеннем солнцевороте, в знаке Волка (сентябрь) превращается во Льва (октябрь), в Орла (ноябрь), в щуку (декабрь), купца (январь), в Петуха (февраль). В то же время месяц, который находится в осенней эквинокции в знаке Собаки (сентябрь) превращается в Медведя (октябрь), в Лебедя (ноябрь), в Ерша (декабрь), в кольцо (январь), в зерно (февраль).

С ссылкой на другой, не менее важный в данном контексте материал, опубликованный в 1939 г. в солидной книге «Культура и письмо», В. Синайский приводит дополнительные сведения об этой сложной интерпретации мифологически-фольклористского «кредо» ученого. Второе важное основное положение Василия Синайского, на котором он возводит оригинальное и импозантное здание своей мифологически-фольклористической системы,

обозначается как «Учет специфических функций небесных и земных зодиаковских знаков в жизни и в фольклоре», который был обоснован в изданиях 1939 и 1940 гг. «Культура и язык», «Культура и число».

Василий Синайский в своей мифологически-фольклористической концепции исходит из того, что и жрецы, и современные примитивные народы сибирского северного побережья между небом и землей видели органические связи причинно-следственного порядка. Вся организация человеческой жизни должна быть проникнута небесными знаками. Эти знаки выражены земными знаками в виде институтов, что является основой организации на земле общественной жизни.

Все изложенное здесь вкратце является важным для понимания структуры древней культуры, в общем, единства небесной и земной жизни, а также для изучения древнего фольклора как отражения значения познания древних племен. Идея календаря как основы понимания природы фольклора очевидна. Перечень своеобразных черт фольклористической концепции Василия Синайского был бы не полон, если не отметить и то огромное значение, которое он придавал числам. Наталия Синайская отмечала, что «метод цифр» оказался особенно важным в исследовании того фольклора, который сюжетно связан с различными расчетами времени, к примеру, с распределением года на три, четыре части. Наоборот, каждая часть трехчленного года календаря мыслится как четырехмесячное соответствие одной части. Число, таким образом, становилось существенной составной частью культуры и теснейшим образом связывалось с культом, проявлением теократического порядка.

Вторая половина 20-х гг. прошлого XX столетия в жизни Василия Синайского ознаменовалась не только глубокими размышлениями над теорией и методологией изучения мифологии и фольклористики, но и первыми практическими опытами в этой области. Уже в очерках о Новом годе, Золотом петушке и Илье Муромце автор широко использует соотношение фольклорных событий с показателями знаков Зодиака и с отношениями Лунного и Солнечного календарей. Подлинное применение своих знаний астрономии и астрологии автор продемонстрировал в своем исследовании: «Latviešu poētiskie dabas vērojumi».

¹ См. статью Синайский В. К собиранию русского фольклора // Родная школа, Режица 1931 г. № 5. «Народное творчество в его новом понимании, как народного знания истинного пути жизни. В настоящей работе делается попытка обратить внимание фольклористов на систематический метод в его научном понимании, как метод не столько описательный, сколько объяснительный, т.е. научный в полном смысле этого слова. Под этим методом разумеется такая система, при которой отдельные ее части находятся в некоторой органической связи, так что каждая часть системы является объяснением другой, и в этой органической связи образуются доказательства научности объяснения. Но единственно системы и ее доказательная сила покоятся всегда на общей предпосылке принципа. Однако лишь при наличии общей предпосылки, как основного единого принципа, система фольклор может получить единство и органическую связь, т.е. полную научность. Эта предпосылка дается здесь в виде особого понимания фольклора, именно что фольклор в своих истоках, относящихся главным образом к сюжетам (меньше по форме) есть древняя наука и что эта наука в основе своей была некогда тесно связана с общим мировоззрением на жизнь, как единую жизнь всей вселенной, а не только земли» (с.45).

² «Слово **фольклор** в широком смысле означает народное

творчество, т.е. художественное создание самого данного народа. Отсюда естественно речь идет о национальных фольклорах: каждый народ имеет свой фольклор. Однако скоро в науке было замечено, что фольклор разных народов имеет много общего в сюжетах. Отсюда возникла мысль о заимствовании тем или другим народом чужих сюжетов (так называемые блуждающие мотивы, т.е. сюжеты). Теория блуждающих мотивов ныне более или менее принята, хотя против нее нередко возражают до сих пор по чисто национальным побуждениям. Исследователи отечественного фольклора предпочитают доказывать, что и самый мотив, или сюжет, есть достояние данного народа. Такая тенденция приходит себе поддержку в том, что фольклор связан тесно с явлениями природы, а эти явления более или менее одинаковы на земле. Этим пытаются объяснить, почему мотивы, или сюжеты, повторяются в разных фольклорах. Такое объяснение сходства или даже тождества мотивов фольклора вообще, конечно, не лишено некоторой доказательности. Однако ближайшее изучение сходства сюжетов устанавливает, что в национальном фольклоре имеются такие черты, которые противоречат мысли о самостоятельности создания сюжета или мотива данного народа. В таких случаях приходится всякий раз возвращаться к теории заимствованных сюжетов, т.е. к признанию иных истоков сюжетного фольклора. Эти истоки и есть, по мнению автора, данные древней науки, как база для более позднего фольклора.

Что касается самой древней науки, то она резко отличается от современной в том отношении, что современная наука основывается преимущественно на анализе, тогда как древняя наука была по преимуществу синтетической. Современная наука характеризуется преимущественно методами индукции, как общим логическим приемом. Древняя наука пользовалась главным образом методом дедукции, т.е. априорным построением науки. Причем последнее построение науки было тесно связано с воззрением на землю как часть вселенной. Эта связь выражалась в том, что явления природы, происходящие на земле, суть следствия явлений всей вселенной (неба). Поэтому законы существования самой земли и происходящих на ней явлений суть законы всей вселенной (неба) как выражение вечного, божественного, неизменного, единого закона. Сами боги подчинены этому закону и в этом отношении они не суверенны. Этот общий единый закон носил разные названия, но чаще всего определялся как судьба или фатум, необходимость и т.д. Если боги подчинены вселенскому закону. То тем более люди. Отсюда мудрость жизни в практическом ее применении состояла в том, чтобы следовать этому закону, называемому в практической этике и религии божественным путем или просто путем. Путь это то единственное, что надо знать человеку для того, чтобы прожить жизнь правильно в согласии с вечным истинным законом, называемым также правдой или истиной. Древние при этом верили, что знание закона или пути, само по себе достаточно, чтобы следовать закону. Никто ведь не желает себе вреда. Если пророки имеют место на земле, то это главным образом происходит оттого, что люди не знают закона. Если же при знании закона люди не могут стать на истинный путь, то это случается не из-за нежелания людей следовать закону, а в силу неопытности, малого упражнения. Отсюда, естественно, возникла другая наука – чисто практическая: наука упражнений для приобретения стойкости в добродетели. У иегов эта наука достигла большого совершенства; она давала человеку властвовать не только над своим телом (физическими явлениями), но и над духом. Отсюда наука о ступенях совершенствования, ставшая предметом древней теософии и современной антропософии (ренессанс древней теософии), с ее сильным стремлением превратить человека в своего рода сверхчеловека, который мог бы проникнуть и в такие недоступные обыкновенному человеку. Здесь имеется в виду проникновение в другие миры, но понятно, что упражнения не дадут результата, если имеется неправильное знание пути или закона. Древние поэтому предавали первенствующее значение знанию. Знание закона есть единственная и непреложная наука, без которой упражнения могут оказаться не только бесполезными, но и вредными. Эта мысль постоянно подчеркивается: наука, знание закона есть прежде всего.

В связи с пониманием истинной науки, как знания пути, или закона, возникал другой вопрос: как сохранить идейное знание, т.е. передать потомству и притом в самом чистом, а не искаженном виде.

Приемы сохранения чистого, неискаженного знания требовали, соответственных для того средств, которые состояли в следующем. Вменялось старым людям в обязанность передавать традицию своим сыновьям. Старый человек, не выполнивший этой священной обязанности, совершал большой грех. При этом почитание родителей детьми обязывало последних не только к полному повиновению, но и в свою очередь к выполнению воли родителей после их смерти. В этом смысле самое понятие завещания не было только, как это теперь понимается, выражения умершим своей последней воли, а заветом о сохранности и неизменности полученного наставления и передачи последнего своим детям из поколения в поколение. Распоряжения по имуществу были лишь дополнительным моментом завещания».